

Славяноведение, 2023, № 2, с. 115–124

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2023, № 2, pp. 115–124

DOI: 10.31857/S0869544X0025360-9

Оригинальная статья / Original Article

Представления о благой смерти в сочинениях чешских иезуитов побелогорской эпохи

© 2023 г. Н.Р. Белова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

nrbelovaa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений о смерти, отраженных в сочинениях чешских иезуитов XVII–XVIII вв. Затрагиваются вопросы о том, какая смерть представляется католическими авторами правильной, как благочестивый христианин должен готовиться к смерти и что ожидает человека после перехода в мир иной. Большое внимание в статье уделяется выявлению специфики представлений о смерти, сформированных в католических текстах раннего Нового времени. Эти аспекты рассматриваются в связи с насильственной рекатолизацией Чешских земель, начавшейся после битвы у Белой горы (1620 г.). Для анализа были выбраны чешскоязычные тексты, поскольку они были рассчитаны на широкую аудиторию и могут показать, какие представления об аде внушали проповедники простым верующим. В статье делается вывод о том, что авторы побелогорского периода придавали большее значение не столько «доброй» смерти, сколько благочестивой жизни, которая была необходима для достижения спасения. Для сочинений данной эпохи характерны мотивы *memento mori*, жизни как подготовки к смерти и смерти как избавления от страданий этого мира. Автор делает вывод, что комплекс представлений о праведной смерти служил важным инструментом воздействия на прихожан, что было особенно важно в условиях обособления конфессий и проведения рекатолизационной политики.

Ключевые слова: иезуиты, рекатолизация Чешских земель, Контрреформация, побелогорский период, католическая церковь.

Ссылка для цитирования: *Белова Н.Р.* Представления о благой смерти в сочинениях чешских иезуитов побелогорской эпохи // *Славяноведение*. 2023. № 2. С. 115–124. DOI: 10.31857/S0869544X0025360-9

The Idea of a Good Death in the Writings of the Bohemian Jesuits of the Post-White-Mountain Period

© 2023. Natalia R. Belova

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

nrbelovaa@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of ideas of death in the writings of the Bohemian Jesuits of the XVII–XVIII centuries. The article examines, what kind of death seems right to Catholic authors, how a pious Christian should prepare for death, and what awaits a person after the transition to another world. Much attention is paid in the article to the identification of the specifics of the ideas about death formed in the Catholic texts of the early Modern period. These aspects are examined in the context of the violent re-Catholicization of the Bohemian lands, which began after the Battle of the White Mountain (1620). Czech-speaking texts were chosen for analysis because they were intended for a wide audience and can show, what views the preachers suggested to people. For the authors of the post-White Mountain period «good» death was less important than pious life, which was necessary to achieve salvation. The writings of this period are characterized by the motives of *memento mori*, life as a preparation for death and death as a deliverance from the sufferings of this world. The article concludes that the ideas about death served as an instrument of influencing people, which was especially important during the confessionalization and re-Catholicization.

Keywords: Jesuits, re-Catholicization of the Bohemian lands, Counter-Reformation, post-White Mountain period, Catholic church.

Reference for citation: Belova Natalia R. The Idea of a Good Death in the Writings of the Bohemian Jesuits of the Post-White-Mountain Period // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavjanovedenie. 2023. No. 2. Pp. 115–124. DOI: 10.31857/S0869544X0025360-9

Данная статья будет посвящена исследованию представлений о смерти, отраженных в сочинениях чешских иезуитов XVII–XVIII вв., что позволит рассмотреть восприятие смерти, характерное для католической культуры раннего Нового времени. Реформация и последовавший за ней процесс обособления конфессий актуализировали вопросы греха и спасения, а следовательно, и проблему праведной смерти. В данной статье речь пойдет о побелогорском периоде, когда в Чешских землях проводилась всеобщая и насильственная рекатолизация, т.е. процесс возвращения некатолического населения в лоно католической церкви. Проповедники и миссионеры из Общества Иисуса, сыгравшие большую роль в проведении рекатолизационной политики, пытались внушить прихожанам определенные представления о том, каким образом благочестивый католик должен готовиться к смерти, чтобы достичь спасения и избежать вечных мук в преисподней.

Источниками для данного небольшого исследования послужили чешскоязычные сочинения иезуитов побелогорской эпохи. Выбор текстов на чешском языке обусловлен тем, что они, в отличие от латинских трактатов, были рассчитаны на широкую аудиторию. В условиях побелогорской рекатолизации их авторы обращались к простым верующим с целью углубления их религиозности, усвоения ими основ католического вероучения и формирования у них определенных представлений и моделей поведения. После начала всеобщей и насильственной рекатолизации в Чешских землях вышел ряд переводов известных сочинений о праведной смерти. В 1630 г. был переведен труд кардинала Роберто Беллармино «Искусство христианское, или Подготовка к праведной смерти»¹, а спустя пять лет – сочинение иезуита Иеремии Дрекслея «Вестник смерти, или Посланец вечности, посланный к здоровым, больным,

¹ Robert Bellarmin. Uměňj Křesťanské, aneb Příjprava k dobre Smrti. Praha, 1630. Книга Роберто Беллармино «Об искусстве благой смерти» (De arte bene moriendi) вышла в Антверпене в 1620 г. и спустя 10 лет была переведена на чешский язык.

умирающим для правильной подготовки к смерти»². Кроме того, в раннее Новое время появились и трактаты чешских авторов на данную тему. Однако важно отметить, что вопрос о праведной смерти рассматривался не только в специальных трудах, но и в проповедях, канционалах, мистической литературе. В XVII в. проповедь получает широкое распространение, что становится одним из важнейших факторов насаждения представлений об идеальном образе жизни и смерти [7. S. 257]. Гомилетическая литература позволяет проследить, какие идеи постоянно транслировались во время проповедей, т.е. окружажали простого верующего в повседневной жизни³.

Смерть и подготовка к ней всегда занимали важное место в христианской картине мира, в которой земная жизнь является лишь переходом к вечному блаженству или вечному проклятию. Средневековые *artes moriendi*, т.е. трактаты об искусстве умирания, разработали концепцию правильной и неправильной смерти, в них подробно описывались последние минуты жизни человека, которые играли определяющую роль в его посмертной судьбе. Раннее Новое время внесло изменения в католический дискурс о смерти. Чешский исследователь Павел Крал обозначил начало XVI в. как переломный момент, связанный со значительными изменениями в интерпретации благой смерти [6. S. 8]. Автор классического труда «Человек перед лицом смерти» Филипп Арьес назвал это переходом от искусства умирать к искусству жить [1. С. 248]. На чешском материале эту тенденцию ярко иллюстрирует описание смерти князя Христослава, которое мы находим в одноименном сочинении силезского иезуита Матея Виерия. Этот отрывок может дать представление об идеальной, с точки зрения проповедника побелогорского периода, смерти. Князь Христослав, идеальный правитель вымышленного государства, в конце жизни оставил корону сыну и ушел в монастырь, отказавшись от мирской суеты, он «прикладывал усилия, упражняясь во всех добродетелях три года подряд, пока от Божьей любви не впал в задумчивость, от тоски и жажды узреть лик Божий не зачах, от чего и умер»⁴. После смерти князь был прославлен как святой, его мощи начали благоухать, к его могиле стекались люди в надежде получить исцеление. «Так будет после смерти прославлен Богом каждый Христослав, — пишет Виерий, — т.е. каждый человек, который в жизни будет так славить Господа Бога»⁵. Важно, что акцент в данном случае сделан на праведной жизни человека, которая позволяет ему спастись и приблизиться к Богу, а также на долгом приготовлении к смерти (Христослав оставил свет, чтобы провести остаток дней в молитвах и быть готовым к уходу в мир иной). Интересным представляется также тот факт, что смерть праведника может быть отмечена чудесами, т.е. о ней узнает большое количество людей, она становится ярким и заметным событием. В сочинении Матея Виерия описано несколько случаев, являющих собой образец благой смерти: смерть самого князя, его отца и старшего сына. Отец Христослава, умирая, дает наставления своему сыну и наследнику, учит его быть благочестивым человеком и хорошим государем

² *Jeremias Drexel*. Herolt smrti, neb Předposel věčnosti k zdravím, nemocným, umírajícím, pro správnou k smrti přípravu vyslaný. Praha, 1635.

³ Конечно, проповеди не могут дать представление о том, насколько прочно транслируемые в них идеи укоренились в сознании верующих. Однако важно, что все эти представления были знакомы прихожанам.

⁴ *Matěj Vierijs*. Christoslaus aneb život Kristoslawa knížete, z něhož každý křesťanský člověk velmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha: w Jmpressý Akademické Towaryšstwa Gežjsowsa blíž Mostu, skrze Jana Kasspara Muxle, 1689. S. 427.

⁵ *Matěj Vierijs*. Christoslaus. S. 430.

(шестая глава). Богуслав, сын Христослава, умирает от болезни, которую переносит с кротостью и смирением, понимая, что такова воля Божья⁶. Благочестивое поведение и заблаговременная подготовка к переходу в мир иной являются важными характеристиками благой смерти в представлении побелогорских авторов. Однако подобное поведение при смерти представлено как продолжение благочестивой жизни и не воспринимается как определяющее при решении посмертной судьбы человека.

Вся жизнь, в представлении католических авторов побелогорской эпохи, должна быть подготовкой к смерти. Дела человека при жизни тем более важны, что смерть может наступить в любой момент. Она не предупреждает о своем приходе, и у человека может не остаться времени искупить свои грехи. В одном из канционалов Антонина Кониаша умирающий обращается к стоящим у его постели родственникам и друзьям: «Сегодня ты жив, а завтра тебя смерть возьмет, друзья положат тебя на погребальные носилки. [...] Пусть каждый из вас этого ждет, сегодня я, а завтра придет ваш черед»⁷. Даже если Бог предупреждает о приближении смерти, грешный человек не замечает посылаемых ему знамений, т.е. для него смерть все равно оказывается неожиданной. Иезуит Матей Вацлав Штейер в своей постилле рассказывает о безбожном молодом человеке, который молил Бога предупредить его о приближении смерти. Его молитва была услышана, и Бог послал к нему ангела, который пообещал, что он не умрет, пока не узнает о своей смерти от Божьего посланца. Тогда молодой человек осмелел и продолжил вести роскошную и несправедливую жизнь. Вдруг он серьезно заболел, его родные, друзья, а потом и священник убеждали его исповедаться и покаяться, но он говорил, что от этой болезни не умрет и не хотел «по-христиански подготовиться к смерти»⁸. Наконец ему явился ангел с известием о скорой кончине. На вопрос, почему его не предупредили, ангел сказал, что знаков было много: болезнь, напоминание от родственников, друзей и священника, но человек не внял этим предупреждениям⁹. Рассказанная Штейером притча убеждает верующих в необходимости готовиться к смерти, не дожидаясь, пока будет поздно. Уже в начале болезни человек должен совершить все необходимые приготовления, поскольку недуг может оказаться смертельным.

Неизвестным для человека остается не только время смерти, но и его посмертная судьба. Никто не может знать, удостоится ли он спасения («Ведь не знает человек, достоин ли он любви или гнева, но все остается на будущие времена как неизвестное»¹⁰). Одним из важнейших мотивов, позволяющих раскрыть проблему спасения, является мотив исполненной меры грехов: «Бог считает человеческие грехи и ждет, когда переполнится мера грехов! Потом их наказывает смертью частной и вечной, как тех, кто не хотел покаяться»¹¹. Сюжет о мере беззаконий относится еще к Ветхому Завету, в частности, этот мотив встречается в 15 главе книги Бытия, где Господь говорит Аврааму: «Ибо мера беззаконий Амореяв доселе еще не наполнилась» (Быт 15:16)¹². Человеческие грехи ассоциируются с камнями, наполняющими лодку, пока последний

⁶ *Matěj Vierijs*. Christoslaus. S. 288.

⁷ *Antonín Koniáš*. Cytara Nowého zákona, prawého Boha w předrahých Krystowé wjry tagemstwých, a w swatých geho lžbo-spěwně oslawugicý. Praha: v Jgnácya Prussy, 1752. S. 605.

⁸ *Matěj Václav Šteyer*. Postylla Katolická na dvě částky rozdělená Nedělnj a Swátečnj. Praha: w Impressy Universit: Carolo-Ferdinandae w Kollegi Towaryšstwa Pána Gežjsse v Swatého Kljmenta, 1691. S. 1029.

⁹ *Matěj Václav Šteyer*. Postylla Katolická. S. 1028–1030.

¹⁰ *Matěj Vierijs*. Christoslaus. S. 380.

¹¹ *Matěj Vierijs*. Christoslaus. S. 87.

¹² *Matěj Vierijs*. Christoslaus. S. 87.

камень не потопит судно¹³, при этом каждый, даже небольшой, грех может стать последним и навсегда закрыть человеку путь к спасению.

Необходимость всю жизнь готовиться к смерти связана с характерной для католической культуры идеей о трудности спасения. Проповедники Общества Иисуса апеллируют к знаменитой притче о брачном пире, где сказано «ибо много званых, а мало избранных» (Мф 22:14). Часто в иезуитских сочинениях встречается образ узкой и тесной дороги, ведущей в Царство Небесное, в отличие от широкой дороги в ад («Возлюбившие Крест идут на небеса по царской дороге, но не без крестных мук и боли; и не могут быть без страданий на этой дороге узкой и тесной»¹⁴). Этот образ не является изобретением барочной литературы, он взят из Нагорной проповеди («Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7:13–14)) и Евангелия от Луки («подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказывая вам, многие поищут войти, и не возмогут» (Лк 13:24)).

Таким образом, смерть представляется как неожиданное событие, которое при этом должно быть ожидаемым, ведь человеку необходимо быть готовым в любую минуту предстать перед Божьим судом. Но меняет ли умирание состояние человека? С одной стороны, неожиданное событие не может остаться незаметным. Приход ангела с вестью о скорой кончине не мог не потрясти молодого человека из рассказанной Штейером притчи. Однако в то же время иезуит описывает смерть как сон, т.е. как плавный и незаметный переход в мир иной¹⁵. Процесс умирания и последние минуты жизни не представляются побелогорским авторам как особенное состояние. Поведение человека на смертном одре является продолжением его жизненного пути. Князь Христослав, ведущий праведную жизнь и бывший образцом добродетели, последние минуты также проводит в молитве и предается благочестивым мыслям. Сын князя описан как образец смирения, ведь он «за свои великие природные таланты был достоин не только королевской, но и императорской короны»¹⁶, но считал себя недостойным Царства Божьего. Умирая, он так же смиренно и терпеливо переносит болезнь¹⁷.

Неожиданность и непредсказуемость смерти заставляет постоянно помнить о ней. Мотив *memento mori*, возникший в европейской культуре в позднее Средневековье, постоянно встречается и в литературе раннего Нового времени. В одном из канционалов Антонина Кониаша приведены следующие размышления о суетности мирской жизни и необходимости помнить о ее скором конце: «наше время здесь кратко, [...] как вода, быстро течет, как тень, скоро исчезает. Поэтому нужно всегда быть бдительными и к смерти своей нарядиться, в вере и святом покаянии проводить каждый час, не откладывая»¹⁸. Обоснованием необходимости помнить о смерти и готовиться к ней служит также идея о двух судах, частном и Страшном, ожидающих человека после смерти. Важно, что приговор, полученный на первом суде, «будет вечно, кто тогда будет

¹³ Matěj Vieriús. Christoslaus. S. 84.

¹⁴ Matěj Vieriús. Choť Krystowa aneb Dusse Nábožná hledagjcy swého Milého, Pána nasseho Gežjsse Krysta, gakož napomjnná Jzaiáss řka; Hledegtež Pána, když může nalezen býti. Praha: v Daniele Michálka, 1680. S. 66.

¹⁵ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 609.

¹⁶ Matěj Vieriús. Christoslaus. S. 288.

¹⁷ Matěj Vieriús. Christoslaus. S. 288.

¹⁸ Antonín Koníáš. Cytara Nowého Zákona. S. 605.

проклят, навсегда останется проклятым»¹⁹. В следующий раз участь каждого будет определена на Страшном суде, когда все предстанут перед Богом и будут либо удостоены Рая, либо навеки низвергнуты в ад²⁰.

Процесс обособления конфессий требовал не только формального обращения людей в католицизм и соблюдения ими церковных предписаний, но и углубления их религиозности, воздействия на их сознание и повседневную жизнь со стороны церкви. В условиях противостояния между конфессиями важную роль играло закрепление в повседневной практике верующих определенных ритуалов, связанных со смертью, что было важно для формирования католической идентичности [7. С. 251]. Каждый день благочестивого католика должен был быть наполнен размышлениями о своей греховности, о жизни, страданиях и смерти Иисуса Христа, о святых и т.д.²¹. Размышление является важной частью иезуитского благочестия, именно на нем основаны «Духовные упражнения» Игнатия Лойолы, необходимые человеку «для поиска и обретения воли Божьей относительно устройства своей жизни и для спасения своей души»²². Там предлагается представлять себя при смерти и соотносить с этими размышлениями свои действия (например, в одном из упражнений речь идет о раздаче милостыни)²³. В качестве отдельного упражнения (пятое упражнение) в книге представлены размышления об аде, причем Лойола предлагает во всех подробностях представить себе самую преисподнюю и мучения, ожидающие грешника там («следует представить себе длину, ширину и глубину ада», «представить мысленно огромные языки пламени, и души [осужденных], как бы заключенные в раскаленные тела», «услышать упреки, плач и вопли, предание проклятию Иисуса Христа и святых Его», «почувствовать запах дыма, серы, разложения и гнили», «внутренне ощутить горькое — слезы, скорбь и угрызение совести») ²⁴. Такие же яркие картины умирания и разложения можно найти и в сочинениях чешских иезуитов. Антонин Кониаш, рассуждая о том, что чрезмерная забота о телесном исходит от дьявола, детально описывает человеческое тело после смерти, когда от него будет исходить смрад, по нему будут ползать черви и т.п.²⁵. Подобный образ встречается в ветхозаветной «Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова» («Когда же человек умрет, то наследием его становятся пресмыкающиеся, звери и черви» (Сир. 10:13)). Обращение к ветхозаветным сюжетам, яркость и выразительность образов и стремление максимально воздействовать на эмоции человека являются характерными чертами культуры эпохи Барокко. Барочное искусство стремилось создавать реалистичные, до натурализма наглядные образы, «более реальные, чем сама реальность» [5. С. 204].

Постоянные размышления о приближающейся смерти, почти невозможном спасении и страданиях в преисподней не могли не наводить страх на верующих. Обращение к прихожанам как к потенциальным обитателям преисподней можно считать характерной чертой проповедей раннего Нового времени [4. С. 66]. Устрашение людей с помощью преувеличения их вины и греховности и постоянного напоминания об ожидающих их адских муках получило

¹⁹ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 2.

²⁰ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 3.

²¹ Matěj Vierijs. Chot' Krystowa. S. 242.

²² Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения. Духовный дневник. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 19.

²³ Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения. С. 205.

²⁴ Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения. С. 65.

²⁵ Antonín Koníáš. Weytažnj Naučenj, A Weykladové, Na wscecky Nedělnj y Swátečnj Episstoly, Též Ewangelia Celého Roku. Hradec Králové: v Wáclawa Tybély, 1740. S. 556.

название «пастырство страха». Этот способ воздействия на верующих сформировался еще в Средние века и активно использовался в католической проповеди. В средневековой культуре сформировалась доктрина *contemptus mundi* или «презрение к миру», ставшая основой многих произведений, в том числе гомилетической литературы [2. С. 15]. Французский историк Жан Делюмо отметил, что в конце Средневековья усиливаются апокалиптические страхи, которые не утихают и к началу раннего Нового времени [3. С. 179]. Тема умирания активно проникает в искусство и литературу, которые предлагают читателям и зрителям бесчисленные пугающие образы смерти [8. С. 169].

Проповедники из Общества Иисуса в своих сочинениях говорят о необходимости бояться суда, ожидающего человека после смерти («И нам действительно следует бояться того суда, потому что тогда каждая душа должна дать отчет строгому судье Христу обо всех своих грехах»²⁶), бояться адских мук, которые будут длиться вечно и избавление от которых уже невозможно. Чувство страха должно было воздействовать на сознание верующих и заставлять их внимательнее относиться к церковным предписаниям. Штейер прямо заявляет, что «для того, чтобы со славой восстать из мертвых, наиболее полезны страхи и несчастья этого мира, а не светские утешение и счастье»²⁷.

Однако картина посмертной судьбы человека, нарисованная побелогорскими авторами, далеко не так мрачна, как кажется. «Смерть хороших людей есть лишь сон»²⁸, — пишет Штейер, ссылаясь на слова Христа из притчи о воскрешении Лазаря: «Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его» (Ин 11:11). Некоторую надежду на спасение, пусть и через какое-то время, дает вера в Чистилище, куда попадают люди, умершие без смертного греха, но совершившие небольшие прегрешения, не позволяющие им сразу отправиться в Рай²⁹. Идея Чистилища, сложившаяся в католической культуре к XIII в. и закрепленная Тридентским собором, составляла важную часть тридентского католицизма, глашатаями которого были проповедники и миссионеры из Общества Иисуса.

Особое значение в сочинениях иезуитов придается возможности помочь душам, находящимся в Чистилище. В постилле Штейера описан некий остров, недалеко от которого из земли вырывается пламя, в котором горят души грешников. И слышен голос чертей, сетующих на то, что молитвами и подаянием благочестивых христиан души часто освобождаются от их власти или облегчают свои страдания³⁰. Существование Чистилища, с одной стороны, делает картину мира более светлой, поскольку дает надежду на избавление от вечных мук преисподней. С другой стороны, возможность изменить судьбу умерших родственников становится инструментом воздействия на живых, которые должны, с одной стороны, молиться за томящихся в Чистилище, а с другой — сами избегать греха и следовать церковным предписаниям. Помощь душам в Чистилище вменяется в обязанность праведному католику, поскольку посмертная судьба этих людей еще может измениться, в отличие от участи обреченных на адские муки. Для подтверждения этой мысли Штейер ссылается на четвертую главу книги Товита («Раздавай хлебы твои при гробе праведных, но не давай грешникам» (Тов 4:17)³¹. Участие в судьбе умерших может даже изменить по-

²⁶ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 2.

²⁷ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 255.

²⁸ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 609.

²⁹ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 998–999.

³⁰ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 997.

³¹ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 1001.

смертную участь человека. Так, в «Постилле католической» рассказана история о богатом грешнике, много денег тратившем на мессы за усопших. Однажды он проходил мимо дерева, на котором висели части тела четвертованного преступника. Неожиданно они собрались воедино, мертвец сел на коня, поскакал вперед, и в него несколько раз выстрелили. Вернувшись, он сообщил ошеломленному грешнику, что принял на себя его судьбу и дает ему шанс исправиться в благодарность за заказанные им мессы³². Помочь душам в Чистилище могут также молитвы, подавание и пост³³, т.е. благочестивое поведение живых. Тридентский Собор призывал заботиться, чтобы «поддержка, которую живые верные обыкновенно оказывают усопшим, т.е. жертвоприношение месс, молитвы, милостыня и иные благочестивые дела, совершались благоговейно и благочестиво согласно установлениям Церкви»³⁴. Кроме того, одной из важнейших составляющих тридентского католицизма является культ святых, которые, «царствуя со Христом, приносят Богу молитвы за людей», поэтому «благотворно и полезно со смирением призывать их в молитвах и прибегать к силе и помощи их молитв ради обретения благ от Бога через Сына Его Иисуса Христа»³⁵.

Созданию более оптимистической картины мира способствовало и восприятие смерти как избавления от земных страданий, как радостного события, означающего возможность приблизиться к Богу. Этот мотив особенно характерен для канционалов Кониаша. В них умирающий просит собравшихся у его постели родственников не плакать о нем: «Воля Божья умножает вашу скорбь, а мне дает утешение и освобождение. Из непосильной темницы, из сетей дьявольских, подобно зверю освобождается из западни»³⁶. Иезуит предлагает всю жизнь «к смерти своей наряжаться»³⁷, что свидетельствует о восприятии смерти не просто как избавления, а как торжества, за которым последует райское блаженство. Душа, по словам Кониаша, «будет иметь радость невыразимую»³⁸, ведь смерть — преддверие вечной славы и приближения к Богу («моя душа радуется, что достигнет вечной славы»³⁹).

Смерть служит освобождением не только от земных тягот, но и от будущих грехов, она может восприниматься как милость Бога, желающего спасти человека от вечного проклятия. Например, Штейер выделил три причины, по которым умирают молодые люди: греховность родителей, которые учат своих детей грешить, собственные грехи молодых людей, заставляющие их выбирать неправильный путь, и любовь Бога к этим людям, не позволяющая ему оставить их в этом суетном и грешном мире⁴⁰.

Таким образом, дискурс о смерти в раннее Новое время демонстрирует усиление акцента на жизни, пройденной умирающим, — на добрых и злых делах, что формируют нравственные жизненные ориентиры; в сравнении с этим, тема должного поведения умирающего в последние минуты его жизни отходит на второй план. Исследователи отмечают сходство воззрений на смерть у католических и протестантских авторов [1. С. 249; 6. С. 18], для их сочинений

³² Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 1006.

³³ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 1006.

³⁴ Тридентский Собор: каноны и декреты. СПб.: Католическая высшая духовная семинария «Мария — Царица апостолов», 2019. С. 194.

³⁵ Тридентский Собор. С. 195.

³⁶ Antonín Koniáš. Cytara Nowého Zákona. S. 616.

³⁷ Antonín Koniáš. Cytara Nowého Zákona. S. 605.

³⁸ Antonín Koniáš. Cytara Nowého Zákona. S. 614.

³⁹ Antonín Koniáš. Cytara Nowého Zákona. S. 616.

⁴⁰ Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická. S. 608.

характерны мотивы *temento mori*, смерти как неожиданного события (которое, однако, необходимо ожидать), жизни как подготовки к смерти и смерти как избавления от суетного мира и проявления милости Бога. Специфическими чертами католических представлений о смерти можно считать веру в Чистилище и возможность изменить посмертную участь некоторых душ, а также культ святых, которые могут быть заступниками как живых, так и мертвых. Все эти идеи являются важными составляющими тридентского католицизма, проводниками которого были проповедники и миссионеры из Общества Иисуса.

Можно отметить некоторую двойственность в восприятии смерти в побелогорскую эпоху. С одной стороны, неожиданность кончины и неизвестность, в которой пребывает человек по поводу своей посмертной участи, способствуют усилению страха перед смертью. С другой стороны, смерть рассматривается как избавление от страданий земной жизни, приближение к Богу и проявление Его любви к людям.

Процесс обособления конфессий затронул не только живых, но и мертвых, о чем свидетельствует, например, запрет хоронить некатоликов на католических кладбищах, а также внушение верующим определенных представлений о правильной и неправильной смерти. Идеи трудности спасения и неожиданности смерти, с одной стороны, и возможности изменить посмертную участь людей в чистилище — с другой, могли служить инструментами воздействия на сознание и повседневную жизнь верующих с целью углубления их религиозности и формирования у них определенных моделей поведения, что было необходимо в период побелогорской рекатолизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Св. Игнатий Лойола. Духовные упражнения. Духовный дневник. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 376 с.
- Тридентский Собор: каноны и декреты. СПб.: Католическая высшая духовная семинария «Мария — Царица апостолов», 2019. 234 с.
- Antonín Koniáš. Cytara Nowého zákona, prawého Boha w předrahých Krystowé wjry tagemstwějch, a w swatých geho lbo-spěwně oslawugjcy. Praha: v Jgnácy Prussy, 1752.
- Antonín Koniáš. Weytažnj Naučenj, A Weykladowé, Na wssecky Nedělnj y Swátečnj Epissstoly, Též Ewangelia Celého Roku. Hradec Králové: v Wáclawa Tybély, 1740. 1112 s.
- Matěj Václav Šteyer. Postylla Katolická na dvě částky rozdělená Nedělnj a Swátečnj. Praha: w Jmpressy Universit: Carolo-Ferdinandae w Kollegi Towaryšstwa Pána Gežjsse v Swatého Kljmenta, 1691. 1048 s.
- Matěj Vierijs. Choť Krystowa aneb Dusse Nábožná hledagjcy swého Milého, Pána nasseho Gežjsse Krysta, gakož napomjnná Jzaiáss řka; Hledegtež Pána, když může nalezen býti. Praha: v Daniele Michálka, 1680. 373 s.
- Matěj Vierijs. Christoslaus aneb žiwot Kristoslawa knížete, z něhož každý křestianský člowěk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzyti může. Praha: w Jmpressy Akademické Towaryšstwa Gežjssowa blíž Mostu, skrze Jana Kasspara Muxle, 1689. 430 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Тюмень: ИП Сайфуллин Т.А., 2021. 512 с.
2. Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 750 с.
3. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 416 с.
4. Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. М.: ИФРАН, 1999. 186 с.
5. Тананаева Л.И. О маньеризме и барокко: очерки искусства Центрально-Восточной Европы и Латинской Америки конца XVI–XVII века: Чехия. Польша. Перу. М.: Прогресс-Традиция, 2013. 646 с.

6. Král P. Knihy o dobrém umírání v českém prostředí ve druhé polovině 16. a první půli 17. století // *Církev a smrt. Institucionalizace smrti v raném novověku*. Praha: Historický ústav AV ČR, 2007. S. 7–22.
7. Malý T. Smrt a spása mezi Tridentinem a sekularizací (Brněnští měšťané a proměny laické zbožnosti v 17. a 18. století). Brno: Matice Moravská, 2009. 351 s.
8. Navrátilová A. Narození a smrt v české lidové kultuře. Praha: Vyšehrad, 2004. 413 s.

REFERENCES

- Ar'jes F. *Chelovek pered litsom smerti*. Tiumen': IP Saifullin T.A. Publ., 2021, 512 p. (In Russ.)
- Delumo Zh. *Grekh i strakh. Formirovanije chuvstva viny v tsivilizatsii Zapada (XIII – XVIII veka)*. Jekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 2003, 750 p. (In Russ.)
- Delumo Zh. *Uzhasy na Zapade*. Moskva: Golos Publ., 1994, 416 p. (In Russ.)
- Korzo M.A. *Obraz cheloveka v propovedi XVII veka*. Moskva: IPHRAS Publ., 1999, 186 p. (In Russ.)
- Král P. Knihy o dobrém umírání v českém prostředí ve druhé polovině 16. a první půli 17. Století. *Církev a smrt. Institucionalizace smrti v raném novověku*. Praha, Historický ústav AV ČR Publ., 2007, pp. 7–22.
- Malý T. *Smrt a spása mezi Tridentinem a sekularizací (Brněnští měšťané a proměny laické zbožnosti v 17. a 18. století)*. Brno, Matice Moravská Publ., 2009, 351 p. (In Czech.)
- Navrátilová A. *Narození a smrt v české lidové kultuře*. Praha, Vyšehrad Publ., 2004, 413 p. (In Czech.)
- Tananajeva L.I. *O man'jerizme i barokko: ocherki iskusstva Tsentral'no-Vostochnoi Jevropy i Latinskoi Ameriki kontsa XVI – XVII veka: Chekhii. Pol'sha. Peru*. Moskva, Progress-Traditsiia Publ., 2013, 646 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Белова Наталья Руслановна,
 аспирантка исторического факультета,
 Московский государственный университет
 им. М.В. Ломоносова,
 г. Москва, Российская Федерация.
 ORCID: 0000-0001-8637-2013
 E-mail: nrbelovaa@yandex.ru

Information about the author:

Belova Natalia R.,
 postgraduate student, Faculty of History,
 Lomonosov Moscow State University,
 Moscow, Russian Federation.
 ORCID: 0000-0001-8637-2013
 E-mail: nrbelovaa@yandex.ru